

Милостивая Александра Ивановна

К ВОПРОСУ О ДЕЛИМИТАЦИИ ПОНЯТИЙ "ТЕКСТ", "ДИСКУРС" И "НАРРАТИВ"

В данной статье анализируются интерпретации макроединиц коммуникативно-когнитивной речевой деятельности - текста, дискурса и нарратива. Автором делается вывод о том, что для текста характерна материальность и интегрированность в дискурсивную среду. Дискурс, в отличие от текста, имеющего физический материальный носитель информации, является идеальным и вероятностным. Нарратив представляет собой материально-идеальную субстанцию, т.к. он инкорпорирует как материально-физическую текстовую составляющую, так и идеально-дискурсивную среду, связанную с процессом наррации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 146-149. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ANALYSIS OF LINGUISTIC NEEDS OF STUDENTS OF NON-LINGUISTIC INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF WORKING PROGRAM
ON PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE

Matveenko Irina Alekseevna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
mia2046@yandex.ru

The article presents the analysis of linguistic needs of senior students of the National Research Tomsk Polytechnic University, which are necessary to take into consideration while developing programs in professional foreign language. As the results of the questionnaire survey show, not all students have a high motivation to its learning; the majority lacks the clear vision of spheres of its application.

Key words and phrases: professional foreign language; analysis of linguistic needs; questionnaire survey; working program; motivation.

УДК 81'42

Филологические науки

В данной статье анализируются интерпретации макроединиц коммуникативно-когнитивной речевой деятельности – текста, дискурса и нарратива. Автором делается вывод о том, что для текста характерна материальность и интегрированность в дискурсивную среду. Дискурс, в отличие от текста, имеющего физический материальный носитель информации, является идеальным и вероятностным. Нарратив представляет собой материально-идеальную субстанцию, т.к. он инкорпорирует как материально-физическую текстовую составляющую, так и идеально-дискурсивную среду, связанную с процессом наррации.

Ключевые слова и фразы: текст; дискурс; нарратив; макроединица коммуникативно-когнитивной речевой деятельности; текстовая категория.

Милостивая Александра Ивановна, к. филол. н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
k-translat@bk.ru

К ВОПРОСУ О ДЕЛИМИТАЦИИ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТ», «ДИСКУРС» И «НАРРАТИВ»©

Лингвистика в современной эпистемологической ситуации находится на стыке наук гуманитарного и естественнонаучного циклов. А. Е. Кибрик справедливо отмечает в этой связи: «Язык – неотъемлемая часть человека (“без языка нет человека”), одно из основных проявлений его человеческой сути. В этом плане он относится к объектам “идеальной” природы, и поэтому лингвистику правомерно считать гуманитарной наукой. С другой стороны, язык есть естественное образование, возникшее и существующее помимо воли человека, и как таковое он является объектом материальной природы. Это обстоятельство объединяет лингвистику с областями естественно-научного знания» [6, с. 47]. Целью данной статьи является делимитация макроединиц коммуникативно-когнитивной речевой деятельности – текста, дискурса и нарратива в рамках обозначенного выше теоретического подхода.

Прежде всего, обратимся к анализу феномена «текст». В классическом своем понимании он может быть определен вслед за И. Р. Гальпериным как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [3, с. 18]. Как видим, текст ассоциируется как с физическими (завершенность / объективированность в форме материального артефакта, включающего разноразличные языковые единицы), так и с коммуникативно-прагматическими и социокультурными (обработка в соответствии с конвенционализированным текстотипом / когезивно-когерентная интеграция / целенаправленность и прагматическая установка) параметрами. Аналогичная ситуация прослеживается и в тех случаях, когда И. Р. Гальперин выделяет текстовые категории: когезия, континуум, ретроспекция и проспекция коррелируют с природными физическими параметрами текстового целого, в то время как другие категории (информативность текста, его контекстно-вариативное и объемно-прагматическое членение, модальность текста) более тяготеют к социокультурным и коммуникативно-прагматическим характеристикам исследуемого этим лингвистом объекта.

В 70-80-е гг. прошлого века активно развивалась лингвистика текста, ставившая во главу угла выделение критериев текстуальности, делимитирующих текст и нетекст. Традиционно в рамках данного направления шла речь о таких обязательных признаках текстуальности, как когезия (Kohäsion), когерентность (Kohärenz),

информативность (Informativität), интенциональность (Intentionalität), адресованность (Akzeptabilität), ситуативность (Situativität), интертекстуальность (Intertextualität) [24, S. 31-66]. И здесь налицо двойственная природа текстуальности, которая конституируется, с одной стороны, немногочисленными параметрами данного феномена, связанными с его материальной оболочкой (когезия, когерентность), и социокогнитивными маркерами (информативность, интенциональность, адресованность, ситуативность, интертекстуальность), – с другой.

Развитие лингвистической науки в рамках коммуникативно-прагматической парадигмы в 90-е гг. XX в. выдвинуло на передний план в ходе анализа текстового целого именно его указанные выше социокогнитивные и прагматические параметры, а физические параметры текста как материального природного объекта исчезли из поля исследовательской рефлексии, на что справедливо указывает Г. Г. Москальчук: «антропоцентрическая парадигма языкознания, увлекшаяся культурологическими аспектами функционирования текста в социуме, не выявляет существенных характеристик текста. Отрыв текста как объекта и продукта речевой деятельности от его носителя и создателя – человека – практически не затронул физико-биологического слоя фактов, отраженных с неизбежностью, уже в силу своей природы, в тексте как языковом знаке» [12, с. 14-15].

Своего рода ренессанс интереса к анализу текстового целого как физической материальной субстанции возник в начале XXI в. с проникновением теории и методологии синергетики в языковедение. В данных условиях именно субстанциональные аспекты текста, понимаемого, прежде всего, как природный объект, попали в фокус лингвистической рефлексии. Сюда относятся, в первую очередь: «1) масса словесного и грамматического материала, воздействующая на слушателя (читателя); 2) размер текста и составляющих его компонентов позволяющие ставить проблему соотношения частей в целом, их согласованного (кооперативного) действия в рамках целостного объекта; 3) протяженность текста, связанная с направленностью движения» [11, с. 195]. «Материальным средством общения», лишенным собственного смысла вне его коммуникативного применения, называет текст петербургский лингвист И. К. Архипов [2, с. 11].

Следующим знаковым термином, номинирующим в последние десятилетия макроединицу коммуникативно-когнитивной речевой деятельности, является понятие «Дискурс». В российской лингвистической традиции дискурс трактуется, прежде всего, как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социологическими, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [9, с. 136-137]. Данное истолкование сущности дискурса восходит к трудам Т. ван Дейка и В. Кинча, для которых релевантна детерминация дискурсивных процессов средой их функционирования, т.е. их зависимость «от изменяющихся когнитивных характеристик пользователей языка и от контекста» [4, с. 45]. Подобные рассуждения мы встречаем и у П. Шародо, который делает упор на представлении дискурса как взаимообусловленного единства «высказывания» и «коммуникативной ситуации» [21, р. 28].

Подобный экстенсивный ракурс рассмотрения соотношения текста и дискурса неизбежно наводит на мысль о большем объеме последнего упомянутого нами термина по отношению к первому. Однако здесь не все так просто и однозначно. В частности, В. А. Андреева справедливо полагает, что существуют две антиномические модели взаимосвязи рассматриваемых понятий: с одной стороны, текст является гипонимом по отношению к дискурсу, т.к. он существует в определенном дискурсивном пространстве, а также продуцируется и декодируется по его законам; с другой стороны, в рамках одного текста могут сосуществовать разные дискурсы, что позволяет истолковывать текст как гипероним в его сопоставлении с дискурсом [18, с. 25].

Следовательно, при делимитации понятий «текст» и «дискурс» в современной лингвистической эпистеме релевантен не объем, а их субстанциональные параметры: материальность текста и его интегрированность в идеальную дискурсивную среду, а также возможность инкорпорирования в материальной оболочке одного и того же текстового целого нескольких дискурсов его различных партисипантов. Идеальный дискурс, в отличие от текста, имеющего физический материальный носитель информации, является вероятностным, т.к. именно он может быть интерпретирован реципиентом: «Если текст лишь физический (физиологический) феномен, не имеющий отношения к психическим сущностям, то интерпретации подлежит не текст, а до- и послетекстовые процессы, т.е. дискурс» [1, с. 49].

Далее обратимся к анализу нарратива, еще одной макроединицы коммуникативно-когнитивной речевой деятельности, наряду с текстом и дискурсом. Как и в случае с дискурсом, в современной научной эпистеме существует множество трактовок данного термина. С одной стороны, нарратив рассматривается в узком смысле как «весь текст эпического произведения, за исключением прямой речи персонажей; изображение действий и событий во времени, описание, рассуждение» [10, с. 280]. Эта дефиниция сводит понятие нарратива к дискурсу художественной литературы. В последнее время понятие нарратива экстраполируется и на другие дискурсы, в частности на журналистский дискурс ([5; 13] и др.), политический дискурс ([7; 15] и др.), кинофильм [22].

С другой стороны, в гуманитарном знании предпринимаются попытки делимитации нарратива и ненарратива путем противопоставления доминантных функций данных феноменов, при этом для нарратива пресуппонируется примат динамической повествовательности, а для ненарратива статического описания, изображения лишь одного состояния действующих лиц [16, с. 18]. Кроме того, характерной чертой нарратива в узком смысле выступает опосредованность, т.е. присутствие некой повествовательной инстанции, сквозь призму мировидения которой преломляются все изображаемые события. В. Шмид, крупнейший современный немецкий нарратолог, говорит о возможности включения в область своей исследовательской рефлексии, нарративных текстов без опосредующей инстанции. Он противопоставляет повествовательные нарративные тексты, изображающие историю при посредничестве нарратора (роман, рассказ, повесть и т.д.), и миметические, где опосредованность изложения истории нарратором не предусмотрена (пьеса, кинофильм, балет и т.д.) [Там же, с. 20-21].

Конститутивным признаком любого нарратива является изображение истории в дискурсивном пространстве. История – это содержание, глубинная структура нарратива, включающая его участников и контекст описываемого действия, а также события в их хронологической последовательности. Дискурс – это поверхностная манифестация нарратива, связанная с повествователем и контекстом рассказывания истории [20, p. 147].

Таким образом, в двухкомпонентной повествовательной модели нарратива налицо присутствие, как описываемой ситуации, так и ситуации рассказывания, повествования. По отношению к описываемой ситуации в классических структуралистских и постмодернистских теориях нарратива традиционно он постулируется как представление события в динамике [17, p. 16; 23, p. 3]. При этом под динамикой наррации понимается, прежде всего: «наличие темпоральной структуры с двумя, по крайней мере, состояниями – исходным и конечным; эквивалентность исходного и конечного состояний, т.е. одновременное сходство и контраст между ними; отнесенность изменения состояния к одному и тому же действующему или подлежащему субъекту (“агенту” или “пациенту”) или к одному и тому же элементу внешней ситуации» [16, с. 16].

В связи с ситуацией самого рассказывания, в первую очередь, релевантна «точка зрения – позиция (пространственно-временная, персональная, речевая и модально-оценочная), с которой представляется мир истории» [13, с. 18-19]. Точка зрения нарратора – это своего рода субъективное «скольжение смысла» нарратора в динамике изменения события, о котором идет повествование. Данная категория нарративного анализа коррелирует с таким важнейшим свойством данного феномена, как его вовлеченность в социальный контекст (social embedding of narrative) [19, p. 181].

Известный отечественный лингвист А. А. Корниенко, следуя традиции французской школы нарративного анализа, также говорит о двух ипостасях нарративного текста – о сочетании цитируемого (речь персонажа) и цитирующего (речь рассказчика) дискурсов [8, с. 45]. В данной концепции делается акцент в духе постмодерна на конститутивные свойства цитации в генерировании новых смыслов в ткани повествования, прежде всего, в литературном дискурсе, где цитируемый дискурс рассматривается как зависимый «по отношению к высказыванию рассказчика в том смысле, что за последним остается право процитировать или нет его высказывание» [Там же]. Подобная ситуация имеет место и в газетном нарративном пространстве, где источник информации, цитируемый журналистом, избирается исходя из идеологических предпочтений периодического издания, на которое работает корреспондент. Однако газетный дискурс все же накладывает определенные ограничения касательно набора описываемых участников ситуации, которые реальны, а не фикциональны, как это имеет место в литературном произведении. Рекуррентность упоминания и объем цитирования того или иного участника описываемой ситуации может варьироваться в зависимости политических пристрастий нарратора, но полностью избавиться от «нежелательного» действующего лица все же нельзя, т.к. это повлекло бы за собой нарушение конверсационной максимы качества.

Исследования нарратива в рамках синергетической логики, на наш взгляд, необходимы потому, что атрибутом данного феномена является сложность, традиционно осмысляемая в синергетической научной парадигме. Сложность нарратива определяется совместной кооперативной деятельностью в его пространстве множества адресантов и адресатов, которые «(в зависимости от прагматических установок и целей) могут задействовать тексты различных стилей и жанров и различные стилистические приемы в процессе многоуровневой и многовекторной коммуникации» [14].

Возвращаясь к нашим рассуждениям о сопоставлении текста, дискурса и нарратива в аспекте соотношения материальности и идеальности, отметим, что нарратив представляет собой материально-идеальную субстанцию, т.к. он инкорпорирует в своей структуре и ткани как материально-физическую текстовую составляющую, так и идеально-дискурсивную среду, связанную с процессом повествования. Что касается сравнительного анализа объема данных понятий, то традиционный объект нарратологии, литературный нарратив, – это целостное завершённое художественное произведение, за рамками которого не действуют основные уже упомянутые нами выше критерии нарративности по В. Шмиду [16, с. 16]. Как показали наши наблюдения, газетный нарратив может быть эквивалентным тексту или нескольким текстам, но возможно и обратное, когда в одном тексте повествуется о нескольких событиях.

Термин «дискурс», который способен выступать по отношению к тексту как в качестве гипонима, так и как гипероним, обладает меньшим объемом, чем понятие «нарратив», т.к. является частью одного или нескольких текстовых конститuentов последнего. Кроме того, в тех случаях, когда речь идет о дискурсе как о среде нарративной коммуникации, можно допустить гипонимичность нарратива, функционирующего в том или ином дискурсивном контексте. Таким образом, очевиден амбивалентный объем термина «дискурс», как в сравнении с текстом, так и с нарративом.

Список литературы

1. **Андреева В. А.** Текстовые и дискурсивные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): дисс. ... д. филол. н. СПб., 2009. 361 с.
2. **Архипов И. К.** Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica XIII: Когнитивные и коммуникативные функции языка.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 7-18.
3. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2004. 144 с.
4. **Дейк Т. А. ван, Кинч В.** Макростратегии // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 41-67.
5. **Каверина О. Н.** Особенности нарративного журналистского дискурса // *Иностранные языки. Герценовские чтения: мат-лы Всероссийской межвузовской науч. конф. (23-24 апреля 2012 г.).* СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 37-39.
6. **Кибрик А. Е.** Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. 720 с.

7. Кириллов А. Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы): автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2007. 23 с.
8. Корниенко А. А. Субъекты высказывания в современном нарративном дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 3. С. 44-50.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
10. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 751 с.
11. Моисеева И. Ю. Теория текста и эволюция природы: естественнонаучные и гуманитарные представления о языке и человеке // Философский век. Альманах. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2007. Вып. 33. Карл Линней в России. С. 192-198.
12. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
13. Татару Л. В. Нарратив и культурный контекст. М.: URSS, 2011. 288 с.
14. Тихомиров С. А. Нарративная парадигма в политической коммуникации [Электронный ресурс]: Вторая интернет-конференция по юрислингвистике. 2012. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2012/narrativnaja_paradigma_v_politicheskoy_kommunikacii_tikhomirov_s_a/10-1-0-257 (дата обращения: 21.01.2015)
15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000. 431 с.
16. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
17. Abbott H. P. The Cambridge Introduction to Narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 203 p.
18. Andreeva V. A. Ist "Text" weniger als "Diskurs"? Überlegungen zur Abgrenzung der Zentralbegriffe der Text- und Diskurslinguistik // Лингвистика текста и дискурса: традиции и перспективы. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. С. 16-26.
19. Bal M. Narratology: Introduction to the Theory of Narrative. Toronto: University of Toronto Press, 1999. 254 p.
20. Brownlie S. Narrative Theory and Retranslation Theory // Across Languages and Culture. 2006. No. 7. P. 140-170.
21. Charaudeau P. Langage et discours. Paris: Hachette, 1983. 176 p.
22. Chatman S. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Ithaca – London: Cornell University Press, 1978. 277 p.
23. Genette G. Figures of Literary Discourse // Structuralism and Literary Criticism. N. Y.: Columbia University Press, 1982. P. 3-25.
24. Vater H. Einführung in die Textlinguistik: Struktur, Thema und Referenz in Texten. München: Fink, 1992. 207 S.

ON THE QUESTION OF DELIMITATION OF THE NOTIONS "TEXT", "DISCOURSE" AND "NARRATIVE"

Milostivaya Aleksandra Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North Caucasian Federal University
k-translat@bk.ru

In the article the interpretations of such macro-units of communicative and cognitive speech activity as text, discourse and narrative are analyzed. The author concludes that the text is characterized by materiality and integratedness into the discursive environment. Discourse as opposed to text which has a physical material information carrier is ideal and probabilistic. Narrative is a material-ideal substance as it includes both the material and physical text component and the ideal-discursive environment associated with the process of narration.

Key words and phrases: text; discourse; narrative; macro-unit of communicative and cognitive speech activity; text category.

УДК 811.11

Филологические науки

Статья посвящена проблеме типологии профессионального железнодорожного дискурса на примере немецкого языка. За основу выделения типов предлагаются фактор субъекта коммуникации и регламент общения. Отдельно на примерах показаны некоторые особенности устного регламентированного общения немецких железнодорожников, в частности, нарушение языкового регламента, обусловленное психоэмоциональным состоянием субъектов, что влечет за собой специфический отбор лексических единиц.

Ключевые слова и фразы: профессиональный дискурс; железная дорога; социолект; регламент; коммуникация.

Москвитин Евгений Владимирович

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
*eugen_7935244@mail.ru**

ТИПЫ НЕМЕЦКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ДИСКУРСА©

Изучение любого типа дискурса предполагает три основных подхода, выделенные В. И. Карасиком: текстоллингвистический, прагмалингвистический и социоллингвистический. С позиции социоллингвистики принято выделять институциональный (статусно-ориентированный) и бытовой (лично-ориентированный) типы дискурса. Под первым понимают «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [5, с. 203]. Статусно-ориентированный дискурс (в противоположность лично-ориентированному) представляет собой институциональное общение, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или